

Как только они выбрались на берег, Лю Синь поспешно уложил тело Дун Сяня на землю. Уперевшись руками в его живот, он принялся с силой надавливать, пытаясь вытолкнуть воду, но после нескольких энергичных попыток тот всё ещё не подавал признаков жизни.

Лю Синь охватила паника. Он поднёс ладонь к носу Дун Сяня и с ужасом понял, что дыхания нет.

— Очнись! Разве ты не собирался объединиться с Ван Маном, чтобы погубить меня? Ну же, вставай! — Лю Синь, обезумев от тревоги, перестал следить за словами и принялся давить на живот Дун Сяня с удвоенной силой.

Лицо Дун Сяня, освещённое мягким мерцанием воды, казалось невероятно прекрасным, словно у небожителя. Лю Синь отвесил ему звонкую пощёчину, крепко сжал его заострённый подбородок, заставляя раскрыть рот, и снова нажал на живот.

— Кхе-кхе...

После приступа судорожного кашля Дун Сянь наконец выплеснул воду, но, бессильно уронив голову набок, так и не открыл глаз. Не зная, что ещё предпринять, Лю Синь приник губами к его губам, вдыхая в него воздух.

Едва коснувшись его рта, он ощутил тонкий аромат, напоминающий запах свежего бамбука. Лю Синь, собравшись с духом, снова вдул воздух в лёгкие Дун Сяня. Вдруг он почувствовал, как мягкий язык коснулся его губ, словно приглашая войти глубже. Воля Лю Синя пошатнулась, и он, не в силах сопротивляться, поддался этому порыву.

Сладость этого момента дурманила, заставляя желать большего. Кончик языка принялся танцевать в ответ, и невинная попытка спасения превратилась в неистовое наслаждение — Лю Синь бессознательно упивался сладостью, исходящей от губ Дун Сяня.

Дыхание становилось всё чаще, и Лю Синь, внезапно опомнившись, резко отстранился. К его безмерному смущению, Дун Сянь уже пришёл в себя и смотрел на него, подрагивая ресницами.

— Ты... когда ты очнулся?

Это был отчаянный жест спасения, крайняя мера, но вопрос Лю Синя прозвучал подозрительно неловко.

— Не так давно. Только что.

Слово «только что» можно было трактовать по-разному. Лю Синь, залившись краской, отвернулся и буркнул:

— А почему ты молчал?

Из-за спины послышался насмешливый смешок. Дун Сянь, бледный как полотно, с трудом произнёс:

— Я хотел сказать, да разве мог?

Эта колкость ещё больше смутила Лю Синя. Он неловко повернулся, расстегнул свой верхний халат и бросил:

— Здесь очень холодно. Снимай скорее мокрую одежду.

В другое время, даже не желая менять наряд, Дун Сянь мог бы просто высушить его с помощью внутренней энергии. Но сейчас, скрывая своё истинное положение и не имея возможности медитировать, он лишь горько усмехнулся и принялся развязывать пояс.

Лю Синь, стараясь не смотреть на него, встал, чтобы собрать сухие ветки для костра. Когда он вернулся, Дун Сянь уже разложил их промокшие одежды в стороне. Без халата его тело казалось длинным и изящным, кожа — неестественно белой, а влажные волосы, собранные на левом плече, сливались с горным пейзажем, будто он сам был его частью. Единственным, что резало глаз, были ярко-красные следы от кнута.

Прежде их скрывала ткань, но теперь, когда одежда была снята, стали видны глубокие длинные раны, из которых на безупречно белой коже всё ещё сочилась кровь.

Лю Синь втайне раскаялся. Он торопливо разложил ветки и высек искру.

— Ваше Высочество вернулись? — раздался сзади голос Дун Сяня. Лю Синь отозвался и обернулся, встретившись с улыбкой на его лице. Улыбка Дун Сяня была подобна его излюбленному оружию: мягкая, но опасная — большинство людей, насладившись её ароматом, даже не подозревали о последующем смертельном ударе.

Дун Сянь, чья красота способна погубить города и страны? И правда, соответствует своему имени. Почему же озеро его сердца, которое, казалось, давно застыло в неподвижности, вдруг всколыхнулось такой огромной волной? Лю Синь спрашивал себя, ведь он не был распутным человеком, но сейчас даже он потерял самообладание. Нельзя! Нельзя! — твердил он себе, пытаясь подавить смятение.

Чувствуя, как эта улыбка путает его мысли, Лю Синь вскрикнул:

— Не разговаривай со мной!

После этого выплеска эмоций воцарилась тишина. Лю Синь искоса взглянул на Дун Сяня: тот смотрел на него с искренним недоумением, и в душе Лю Синя вновь проснулось сострадание.

— Прости... — Дун Сянь, удивлённый извинением, слабо улыбнулся и достал из ладони половинку разбитой нефритовой подвески. — Ваше Высочество действительно дорожит ею, раз даже разбитую носите с собой.

Лю Синь узнал подвеску, которую приказал Дун Сяню найти в саду в тот злополучный день. Половинка с иероглифом Синь исчезла, остался лишь кусок с иероглифом Лю.

— Раз уж я заставил тебя искать её под дождём, значит, это важная вещь, — нашёл он оправдание самому себе.

Лю Синь подошёл и взял нефрит:

— Теперь он повреждён, и неизвестно, где вторая часть.

В ярких глазах Дун Сяня блеснул огонёк хитрости. Он крепко сжал в руке вторую половинку с иероглифом Синь. Подвинувшись, он оторвал кусок ткани от своего халата, перевязал им длинные волосы на плече, прихватив внутри прядей и вторую половинку подвески.

В ту дождливую ночь Дун Сянь так и не вернул целую подвеску Лю Синю. Он невольно усмехнулся — пусть это будет маленьким наказанием для Лю Синя. От резкого движения раны снова начали кровоточить. Вид поморщившегося от боли Дун Сяня больно отозвался в сердце.

В конце концов, это была его вина. Лю Синь, чувствуя вину, поспешно спустился к пруду, сорвал пучок дикой травы и протянул ему:

— Это драконий зуб. Разотри его сок по ранам, кровь остановится.

Сунув траву в руки Дун Сяню, он тут же отошёл в сторону, делая вид, что тот его больше не интересует. Видя, что Лю Синь сторонится его, как чумного, Дун Сянь пожал плечами и принялся сам разминать листья.

Сок драконьего зуба был прозрачным. При попадании на рану на шее его пронзила острая жгучая боль, похожая на укус ядовитой змеи, которая мгновенно разлилась по всему телу. Дун Сянь невольно застонал. Все раны на плечах, шее и руках были обработаны, но он всё никак не решался прикоснуться к багровому следу на пальцах.

Десять пальцев — это связь с сердцем, каждое движение причиняло боль. С другими ранами он мог смириться, но эта вызывала у него тревогу и страх.

— Потерпи, скоро пройдёт. Если не обработать пальцы как следует, они уже никогда не станут прежними.

Слова Лю Синя заставили Дун Сяня замереть — он не ожидал, что тот всё ещё присматривает за ним. И всё же он медлил. Лю Синь, не дождавшись, подошёл, опустил на корточки и, бережно взяв его тонкие пальцы, сам нанёс целебный сок. Его движения были невероятно

аккуратными, сила нажатия — именно такой, как нужно. Боль стихла, уступая место облегчению.

Их пальцы переплелись. Лю Синь осторожно провёл по его ладони, и Дун Сянь с изумлением осознал, что пальцы Лю Синя могут полностью обхватить его собственные.

Дрова в костре трещали. Между ними пролегла невидимая, но неодолимая преграда. Потеряв родителей в раннем детстве, оставшись без поддержки, он был обречён на то, чтобы быть втянутым в кровавую борьбу за власть. Похожие судьбы вызвали в Дун Сяне глубокую печаль.

— От чего погибли ваши родители? — внезапно спросил он.

Лю Синь поднял взгляд на него и осторожно отпустил его руку:

— Мой отец погиб в битве, защищая страну от варваров. Мать, убитая горем, вскоре последовала за ним, покончив с собой ради верности.

Но эта печальная история любви не получила признания в глазах света. Во дворце ходило множество слухов, подтверждающих, что при жизни родители вовсе не были в ладу.

— После их смерти, — продолжал Лю Синь, — если не считать Его Величество, из старших ко мне лучше всех относился Ван Ман.

Это был первый раз, когда Лю Синь открыл перед ним свою душу. Дун Сянь молча слушал, не отрывая взгляда от его лица.

— Его доброта лишь заставляла меня быть начеку. У меня было несколько двоюродных братьев, которые слишком сблизились с ним и в итоге бесследно исчезли или погибли. Ван Ман старше меня всего на несколько лет, но с детства притворялся любящим старшим братом. Ему нравилось носить одежды с драконами, и я до сих пор помню, как в десять лет он заставлял меня и Лю Юйня называть его Императором и обещал сменить название государства на «Синь».

Дун Сянь невольно усмехнулся:

— По крайней мере сейчас он не говорит об этом в открытую.

— Если он не говорит, это не значит, что он не делает, — возразил Лю Синь. — Разве тебя не он подослал, чтобы избавиться от меня?

Возможно, с самого первого дня, когда он появился рядом с Лю Синем, его личность была раскрыта. Теперь, когда всё вышло наружу, признаваться оказалось не так уж и трудно.

Дун Сянь промолчал. Лю Синь снова взял его руку, осматривая раны. Неожиданно его ладонь оказалась влажной и горячей. Лю Синь поспешно приложил руку к его лбу:

— Почему у тебя снова жар? — в его голосе слышался упрёк, но Дун Сяню от этого стало невыразимо тепло.

Дун Сянь лёг и тихо сказал:

— Пустяки, я отдохну немного, и всё пройдет.

Стоило ему закрыть глаза, как голова закружилась. В полубытьи он почувствовал, как вокруг стало тепло, и чьи-то сильные руки крепко обняли его. Дун Сянь вздрогнул и попытался нащупать, кто рядом, коснувшись тёплого, крепкого тела. «Должно быть, я бредил от болезни. Столько раз он доводил меня до такого состояния, с чего бы ему сейчас заботиться о том, жив я или нет?» — подумал Дун Сянь, балансируя на грани сна и реальности.

Вскоре до него донёлся знакомый голос. Вслушавшись, он заметил, что тот уже не звучал по-детски, как при их первой встрече. Мальчики взрослеют в одночасье — в тот самый миг, когда встречаются свою судьбу. Теперь голос Лю Синя звучал уверенно и глубоко.

— Когда я впервые увидел тебя, я сразу понял, что ты владеешь боевыми искусствами. Помнишь, как ты играл на бамбуковом листе? Отец рассказывал, что в армии военачальники использовали звук бамбукового листа как тайный сигнал. Только человек с выдающимся мастерством обладает достаточной внутренней энергией, чтобы заставить тонкий длинный лист звучать. Иначе его легко заменил бы кто угодно. Если бы у тебя не было глубокой внутренней силы, как бы ты смог извлечь из него звук?

Дун Сянь в душе выругал себя за глупость. Он притворился спящим, продолжая держать глаза закрытыми.

Рука, лежавшая на его талии, внезапно потянулась сильнее, и Дун Сянь прижался к крепкой мужской груди. Ровное дыхание и спокойствие Лю Синя говорили о том, что тот уже спит.

Однако Лю Синь вдруг вздохнул:

— К чему тебе постоянно притворяться в моём присутствии?

Хотя это был вздох, в нём звучала уверенность человека, который видит все уловки Дун Сяня насквозь. Сейчас была пора испытать выдержку. Дун Сянь лежал тихо, слушая чёткое сердцебиение Лю Синя, и не решался даже открыть глаза.

— Я давно знал, что ты человек Ван Мана, но знаешь ли ты, почему я до сих пор не избавился от тебя? — длинные ресницы Дун Сяня едва заметно дрогнули. Лю Синь, глядя на его бледное лицо, лежащее совсем рядом, провёл по нему рукой: — Потому что ты, как и я, не властен над своей судьбой. И, если честно, ты страдаешь в десять раз больше меня.

Простые, лишённые прикрас слова оказались ценнее любых клятв. Пальцы, скользившие по щеке, вдруг ощутили холод. Лю Синь опустил взгляд и увидел, как яркая капля влаги скатилась по щеке Дун Сяня и упала ему на кончик пальца.

Слёзы — естественное проявление человека, когда он доходит до предела. Лю Синь усмехнулся:

— Если хочешь спать, спи. Завтра нам придётся забыть всё, что было сегодня, и вернуться к своим прежним ролям.

Вокруг стояла пугающая тишина, в которой слышалось лишь дыхание и биение сердец друг друга. Человек в его объятиях безмолвно и крепко обхватил его в ответ.

Дун Сянь так и не открыл глаз. Он лежал в объятиях того, за кем был приставлен следить. Раны всё ещё ныли, а боль — она лишь делает воспоминания более глубокими. Раз ты выпорол меня столькими ударами, разве можно так просто взять и забыть?

Прильнув к его груди, он прошептал:

— Дун Сянь лишь хотел отплатить за заботу. Но если бы я сказал тебе, что теперь, из-за одного человека, я хочу покончить с этой жизнью, где люди убивают, не проливая крови, ты бы снова решил, что это ложь.

Мужчина сверху уже давно спал. В этой паутине лжи и засад одно лишь это признание доказывало, что он в любом случае проиграл.

Дун Сянь с горькой усмешкой подумал: спит ли Лю Синь на самом деле? Впрочем, даже если бы тот не спал, он всё равно не услышал бы этих слов, потому что Дун Сянь произнёс их так тихо, что даже сам едва расслышал.

На востоке забрезжил рассвет, сухие дрова неподалёку почти догорели. Лю Синь повернулся, но рука его наткнулась на пустоту. Он поспешно сел и, увидев стройную фигуру у пруда, успокоился.

Накинув высушенную одежду, он подошёл к Дун Сяню со спины.

Наступило утро, лебеди начали опускаться на воду, и в воздухе закружились перья, похожие на чистый снег. Коснувшись пальцами лёгкого пуха, Дун Сянь прошептал:

— Как было бы хорошо, если бы у людей, как у них, были крылья.

Лю Синь рассмеялся у него за спиной:

— Разве можно сравнивать человека с птицей? К тому же, тебя нельзя сравнить с лебедем.

— О? — заинтересовался Дун Сянь и обернулся. — А на что, по вашему мнению, Ваше Высочество, я больше похож?

Пик Юйнюй был со всех сторон окружён бамбуком. Лю Синь слегка повернулся, заставив взгляд Дун Сяня остановиться на густой зелени позади него.

— На зелёный бамбук, — ответил Лю Синь.

Иногда, глядя на Дун Сяня, он чувствовал, что человек перед ним почти недостижим. В нём сочетались утончённость, высокомерие и холодная отстранённость. Будто бамбук в сказочном лесу, окутанный туманом, глубокий и непостижимый.

— Редко кого сравнивают с бамбуком. Почему бы вам не сравнить меня с каким-нибудь цветком?

— Цветок должен быть нежным, а трава — смиренной. Ты ни то, ни другое, как тебя можно сравнивать с обычными растениями?

Дун Сянь улыбнулся. Глядя на лебедей, играющих на воде, он тихо запел:

— На севере есть красавица,

Незабвенная, в мире одна.

Взглянет — и города не станет,

Обернётся — и падет страна.

Кто не знает, что красоту,

Что страну и город губит,

Второй раз встретить невозможно?

Прекрасный голос разносился по горному ущелью, неся в себе горечь, которую никто не мог понять. Дун Сянь поднял взгляд на Лю Синя и спросил:

— Ваше Высочество знает, зачем Ли Яньнянь написал Песнь о красавице для Хань У-ди?

— Он и так уже был в фаворе у покойного Императора, а сочинил эту песню лишь для того, чтобы представить свою сестру Императору и разделить с ней богатство.

Разделить богатство!

Вот каким был ответ человека, обладающего сердцем правителя.

Хотя он ожидал чего-то подобного, это всё равно разочаровало Дун Сяня. Он тихо произнёс:

— Боюсь, я не смогу ничему научить Ваше Высочество. Я всегда думал, что это крик души самого Ли Яньняня.

Крик души... Но никто его не слышал. С древних времён сколько красавиц выглядели ослепительно, скрывая внутри шрамы?

Скитаясь по миру, каждый, кто пел эту песню, надеясь на то, что другой человек поймёт её смысл, неизбежно попадал в трагический круговорот.

Как печаль, скрытая в глубине глаз, могла ускользнуть от взгляда Лю Синя? Он ведь говорил, что не хочет быть Императором, потому что это заставляет его причинять боль слишком многим. Если бы он был Хань У-ди и обладал Ли Яньнянем, он бы никогда не стал искать встреч с его сестрой.

Хотя в душе он думал именно так, слова, сорвавшиеся с языка, прозвучали совсем иначе.

— Крик души? Ли Яньнянь и крик души? Ему достаточно было роскоши, чтобы продаваться каждому. Вэй Цин, Хо Цюйбин — разве они не прикасались к нему?

Вот уж поистине — продаваться каждому! Кто знает о скрытой за этим боли? В конце фразы слышались двусмысленные нотки.

Дун Сянь промолчал и направился вглубь бамбуковой рощи.

Видя, что тот молча развернулся и ушёл, Лю Синь внезапно пожалел о сказанном. Он поспешил следом, тихо идя позади Дун Сяня.

Путь вёл вверх, и вскоре они вернулись к обрыву, с которого упали. На вершине было много перекрёстков, и сейчас, в утреннем свете, всё вокруг было усеяно тонкими бамбуковыми листьями, из-за чего дорога казалась одинаковой. Пройдя немного, Дун Сянь сбился с пути.

Лю Синь следовал за ним, не проронив ни слова. Увидев, что тот мечется из стороны в сторону, потеряв направление, он подошёл к нему и, как вчера, взял его за руку, ведя за собой.

Пальцы Дун Сяня несколько раз дёрнулись, пытаясь освободиться, но, не сумев, он позволил Лю Синю вести себя.

Лю Синь отлично знал дорогу. Вскоре они действительно вышли из бамбуковой рощи к месту,

где были привязаны лошади. Он развязал поводья и с силой хлестнул кнутом по лошади Дун Сяня. Та испуганно заржала и умчалась прочь.

Дун Сянь в недоумении посмотрел на убегающее животное:

— Ваше Высочество, что вы делаете?

— Не беспокойся, это старая лошадь, она знает дорогу, — Лю Синь вскочил на своего коня и добавил: — Ты вчера и в воду упал, и лихорадкой страдал, тебе нельзя ехать в одиночку. Иди сюда, садись ко мне.

Не успел он договорить, как его подхватили на руки. Лю Синь с лёгкостью усадил Дун Сяня перед собой, хлестнул коня, и тот мгновенно сорвался с места. Руки, держащие поводья, крепко обхватывали Дун Сяня. Казалось, впервые в жизни его так бережно лелеяли. Сильный ветер обжигал лицо, но позади ощущалось тёплое, уютное дыхание.

Дун Сянь был словно пьян, и в его глубоких глазах промелькнуло счастье. Всё это было мимолётным, как дым, но тронуло сердце, которое было сковано льдом долгие годы.

Прошли сутки, празднества подошли к концу.

Лю Синь и Дун Сянь не пошли к Ван Чжэнцзюнь. Едва они вернулись во дворец Юйян, как Чжи Вэй пришла с донесением:

— Ваше Высочество, господин Дун, Его Величество срочно вызывает вас во дворец Вэйян.

Судя по тону, дело было чрезвычайной важности. Лю Синь велел слугам вернуть лошадей на почтовую станцию и поспешил вместе с Дун Сянем во дворец Вэйян. Дворец в лучах утреннего солнца по-прежнему выглядел величественно, но лишился своей былой оживлённости.

Они долго шли по коридорам, не встретив ни души, а управляющий, ведший их, не проронил ни слова. У резных красных дверей он остановился и низко поклонился:

— Ваше Величество, прибыли принц Синь и господин Дун.

— Пусть войдут, — голос Лю Ао звучал устало. Управляющий толкнул дверь, и они вошли.

В покоях царил беспорядок: столы и полки были перевёрнуты.

— Ох! Ваше Величество, вы не притронулись к вчерашнему ужину? — воскликнул управляющий, увидев нетронутую еду на столе.

Лю Ао не обратил на него внимания. Сев рядом, он сказал Лю Синю:

— Синь-эр, сегодня я должен передать тебе нечто важное.

— Раз Его Величество жалует подарок, племянник примет его. Но вам всё же следует поесть...

Лю Ао махнул рукой, показывая, что не хочет обсуждать это, и приказал управляющему принести золотой свиток.

— О том, что произойдёт сейчас, должны знать только мы. — Лю Ао взял Лю Синя за руку. — Я назначаю тебя наследным принцем Хань. Но сейчас у меня есть причины, по которым я не могу объявить об этом открыто. Этот свиток — моя последняя воля. Как только я скончаюсь, ты сможешь с ним взойти на престол.

Эти слова потрясли не только Лю Синя, но и Дун Сяня.

— Нельзя, — Лю Синь поспешно опустился на колени. — Его Величество наделён божественным благословением, у вас ещё будут дети, не стоит принимать столь поспешных решений.

— Лю Синь! — голос Лю Ао внезапно стал суровым. — Я объявил тебя наследником, значит, так оно и будет! Никаких изменений!

Сказав это, он приказал управляющему передать свиток Лю Синю.

— Поздравляю наследного принца Синя.

— Управляющий, — Лю Ао взял со стола длинный меч и позвал: — Я дарю тебе этот императорский меч. В присутствии меня и наследного принца — убей себя!

По сравнению с завещанием это было ещё более шокирующим. Управляющий посмотрел на Лю Ао, словно понимая скрытый смысл. Он опустился на колени и пробил лбом пол:

— Благодарю за милость.

Лю Синь не успел предотвратить это: управляющий выхватил меч и полоснул себя по горлу. Дун Сянь отвернулся и закрыл глаза, но на его белые одежды брызнули капли алой крови.

— Он следовал за мной более двадцати лет. Знаешь, почему я должен был лишить его жизни?
— Лю Ао похлопал Лю Синя по плечу. — Я твёрдо решил сделать тебя наследником, и никто не должен помешать этому, даже самые близкие люди. Ни у наложницы Си, ни у наложницы Жун дети не выжили. Вчера лекари поставили диагноз: у меня больше никогда не будет потомства.

<http://bllate.org/book/21155/2144386>